

РОССИЙСКАЯ МНОГОПАРТИЙНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ
РОССИЙСКИХ СИСТЕМНЫХ КРИЗИСОВ

В.П. Булдаков

Автор оценивает роль и значение работ В.В. Комина и ряда других историков 1980-х – начала 1990-х годов, занимавшихся изучением так называемых непролетарских партий в России, в развитии последующей российской историографии. Наряду с этим предлагается собственный взгляд на российскую многопартийность, как деструктивный фактор, связанный с имперскими системными кризисами. Автор показывает, что в целом российская предреволюционная многопартийность носила деструктивный *sui generis* для системы, а не альтернативный самодержавию характер.

Ключевые слова: Россия, историография, партийно-политическая система, деструкция, кризис, революция.

К своему стыду, должен признаться, что с фундаментальной книгой В.В. Комина, посвящённой системе российских политических партий, я познакомился позднее, нежели с работами Л.М. Спирина и К.В. Гусева. Некоторое время я даже считал этих двух блестящих авторов главными инициаторами организованных академиком И.И. Минцем знаменитых «калининских конференций». Ситуация прояснилась позднее при знакомстве с книгой Владимира Васильевича. Количество введённых в оборот источников потрясло, широта тематического охвата изумила – всего этого по нынешним понятиям хватило бы как минимум на полдюжины докторских диссертаций.

В более узком кругу Комин объяснил, откуда у него, в прошлом партизана, появилась «необъяснимая» по советско-партийным понятиям тяга к изучению политических противников большевизма. «В своё время, – рассказывал он, – советская пропаганда выставляла немцев куда не годными вояками и вообще дураками, я же на собственном опыте убедился, что это не так – мы победили очень сильного, профессионально подготовленного врага». Точно так же он подходил и к оценке якобы навсегда побеждённых большевиками их политических врагов. В общем, в пространстве тогдашней советской исторической науки он действовал как партизан, опиравшийся на поддержку авторов, понимавших, насколько опасно искусственное забвение очевидного и какими последствиями могут обернуться «белые пятна» и «чёрные дыры» нашего знания и сознания.

История – это всегда лживая песнь «победителей», выпихивающих из «своего» прошлого побеждённых противников. В коммунистической России это проявилось с особой силой вследствие того, что историки пытались выступать от лица «единственно верного учения», казалось, не оставляющего места разномыс-

лию. Увы, способность сомневаться – естественное свойство даже истово верующего человека. Историей предреволюционной российской многопартийности начали заниматься люди *сомневающиеся*, которые превратились в искателей несостоявшейся альтернативы «дурному» прошлому. Сегодня подобное занятие кажется бесполезным, но надо помнить, что движение в исторической науке осуществляется не иначе, как через «наивное» преодоление былых непреложностей. В этом смысле обсуждение проблем российской многопартийности являлось настоящим переворотом в нашем «застойном» историческом сознании. И огромная заслуга в этом принадлежит скромному искателю истины и смелому человеку В.В. Комину.

В семантике российской истории едва ли не решающая роль отводится заимствованиям и эвфемизмам. Первые отражают порыв к новому, вторые – его неудачу. Спрашивается, как можно было объяснить «противоестественный» интерес к тому, чему не могло быть места ни в истории, ни в будущем? Оранжевая интеллигентская многопартийность объективно не могла прижиться на неухоженной российской почве, но согласиться с этим – значило распрощаться с мечтами о свободе.

В своё время выдающийся философ М. Мамардашвили, характеризуя советское общество, отмечал, что оно «оперировало языком, который не был адекватен реальности, более того – в действительности происходило нечто совсем инородное этому языку»¹. Это в большей или меньшей степени можно отнести и к дореволюционному, и к современному состоянию России.

Действительно, шедевр советского политического новояза – как пресловутая «однопартийность», так и противостоящая ему «многопартийность» – суть *contradictio in adjecto*. В основе понятия партия лежит латинское *partis* (часть). Соответственно часть, фрагмент не может быть воплощением целостности; *многопартийность* является естественной формой всякого нормального политического существования. Однако применительно к понятию политическая партия (как, впрочем, и к политической жизни в целом) привычно-поспешная российская подражательность – Г.В. Плеханов называл её «обезьянничанием» – обернулась элиминированием смысла.

В.О. Ключевский выразил это в форме политического афоризма: «Закон жизни отсталых государств и народов среди опередивших: нужда реформ назревает раньше, чем народ созревает для реформы. Необходимость ускоренного движения вдогонку ведёт к перениманию чужого наскоро»². Любое заимствование начинается с воспроизведения *формы*. Но когда внешняя оболочка берётся претендовать на монопольное распоряжение внутренне чуждой ей действительностью, добра от этого не жди. Отсюда, кстати сказать, и нескончаемый конфликт русской интеллигенции с государственностью, в результате которого неизбежно проигрывали оба.

Сам по себе генезис интеллигенции парадоксален, как парадоксальны её самоубийственные действия. По социально-историческим условиям возникновения ней произошло соединение технократических и фантазийных элементов, что в эпоху господства идеологии Просвещения не могло ни дать разрушительного эффекта. Русская интеллигенция (вполне на манер Петра I) не ощущала связи с традицией, но зато готова была переписать (в духе Павла I) всю российскую действи-

¹ Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 136.

² Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. М., 1990. Т. 9: Материалы разных лет. С. 361

тельность с «чистого листа». Задачи «прогресса», поверхностно воспринятые словом «лишнего» для государства внесословного (в условиях тотальной этатизации социального пространства) сообщества людей, стали по преимуществу идентифицироваться с задачами разрушения старого, а не созидания нового.

Между тем, залогом успешной эволюции, которая должна быть открытой и активной по отношению к внешнему миру, является именно «понимающее» взаимодействие инновации и традиции, точнее реактивизация устоявшегося. Этого не могла сделать ни власть, ни интеллигенция. «Наша государственная машина приспособлена к обороне, а не к нападению, – писал Ключевский ещё в 1891 г. – Она даёт нам столько же устойчивости, сколько отнимает подвижности»³. Это в равной мере относится как к области чисто военной, так и внутривнутриполитической – войны и российские кризисы не случайно так взаимосвязаны. Вместе с тем следует отметить, что российская государственность обнаруживала своего рода коварную изобретательность, когда вставал вопрос о существовании её самой.

Для верхов Российской империи с начала XIX в. внешняя европеизация окончательно стала императивом успешного эволюционного развития. Однако «бюрократическая модернизация», осуществляемая, как всегда, преимущественно «с чистого листа», не сулила ничего оптимистичного вопреки тому, что пытаются доказывать некоторые современные авторы⁴. «Чем более сближались мы с З[ападной] Европой, тем труднее становились у нас проявления народной свободы, потому что средства западноевропейской культуры, попадая в руки немногих тонких слоёв общества, обращались на их охрану, не на пользу страны, усиливая социальное неравенство, превращались в орудие разносторонней эксплуатации культурно безоружных народных масс, понижая уровень их общественного сознания и усиливая сословное озлобление, чем подготавливали их к бунту, а не к свободе. Главная доля вины – на бессмысленном управлении»⁵. Побочным результатом этого стало появление интеллигенции – «полуобразованной», удалённой от народной массы, а как результат «разрушение старых идеалов и устоев жизни вследствие невозможности сформировать из наскоро схваченных понятий новое мирозерцание...»⁶ Эти слова в равной степени можно отнести как к прошлому, так и современности.

С этим связан феномен «заимствованного знания», проявляющего, по словам того же Мамардашвили, в массе «псевдоназваний», обладающих, однако, «зарядом отрицательной, порочной энергии»⁷. В условиях, когда старые сословия не разрушены, а новые классы ещё не образовались⁸, ситуация «замещённой реальности» становится взрывоопасной. Примечательно, что человеческое воображение, тянувшееся ко всему впечатляющему, начинает особенно острее опережать реальность во времена интенсивных социально-экономических перемен. Именно в

³ Ключевский В.О. Указ. соч. Т. 9. С. 363.

⁴ См.: Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России. М., 2010. Критику см.: Булдаков В.П. Россия или мифы о ней? По поводу статьи Бориса Миронова «Униженные и оскорбленные: Кризис самодержавия – миф, придуманный большевиками» (Родина. 2006. № 1) // Родина. 2006. № 8. С. 7–9.

⁵ Ключевский В.О. Указ. соч. Т. 9. С. 360.

⁶ Там же. С. 358–359.

⁷ Мамардашвили М. Указ. соч. С. 202.

⁸ Ключевский В.О. Указ. соч. Т. 9. С. 351; Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2009. С. 727.

условиях спонтанной модернизации заимствованные идеи и возникающие в этой связи с этим иллюзии, скорее, нежели реальные интересы разрушающихся сословий и недоразвитых классов, заставляли подданных Российской империи объединяться в союзы, именуемые политическими партиями.

Некоторые современные авторы утверждают, что само по себе механическое разрастание слоя образованных людей приводит к революции. Особенно склонны к этому нынешние бюрократы или представители генерации обществоведов, их обслуживающих. Взаимозависимость между «перепроизводством» людей умственного труда и социальной нестабильностью действительно существует. На это в своё время указал В. Парето, нечто подобное сочиняют авторы «четвёртого поколения» теорий революций, ориентирующиеся на опыт «третьего мира»⁹. Между тем известно, что в предреволюционной России подготовленных профессионалов явно не хватало – и это в условиях опережающего роста слоя образованных людей. Проблема состояла не в «избытке» интеллигенции, а изоморфности её креативного потенциала объективно стоящим перед страной «модернизационным» задачам. Вот этого как раз и не было – отсюда, как побочное следствие, и столь фантастичный спектр российской многопартийности.

Российская многопартийность была отражением деструктивных процессов *внутри* российской имперской государственности. Да и чем вообще могла быть многопартийность при фактическом отсутствии общества? Напомню, что ещё Павел I в своём знаменитом указе «Об улучшении русского языка» повелел слово «гражданин» заменить на «обыватель», вместо «отечество» употреблять термин «государство», а слово «общество» «совсем не писать» – вероятно, за полной ненужностью. Совершенно очевидно, что император не просто навязывал подданным свой собственный вокабуляр, а добивался восстановления изоморфности терминов и смыслов российской действительности. Павел был реалистом, он пытался избавиться от ложных для системы (не важно, «хороших» или «плохих» самих по себе) понятий. Напротив, русская интеллигенция в целом (не только западники) на протяжении двух веков только тем и тем и занималась, что генерировала слова-симулякры, в полном смысле слова упиваясь такого рода ментальными самообольщениями. А теперь прикинем, что может случиться с народными мозгами, если уже не элиты, а сама власть через двести лет после Павла возьмётся уверять нас в существовании в России гражданского (!) общества?

Как известно, В.О. Ключевский, человек либеральных взглядов, пытавшийся сотрудничать с кадетской партией, более чем скептически оценивал перспективы российской многопартийности. «Я не сочувствую партиям, манифесты которых сыплются в газетах, – писал он в дневнике 20 декабря 1905 г. – Я вообще не сочувствую партийно-политическому делению общества при организации *народного* (выделено мной. – В.Б.) представительства»¹⁰. Действительно, интеллигентские партии представляли доктрины, если и стыкующиеся с народными интересами, то расходящиеся с ними применительно к путям реализации. Партии несли в себе идею прогресса (изменений), в то время как массы следовали традиции, т. е. желали просто «лучшей», более комфортной стабильности – причём по приказу сверху.

⁹ Goldstone J. Comparative Historical Analysis and Knowledge Accumulation in the Study of Revolutions // Comparative Historical Analysis in the Social Sciences. Cambridge (Mass), 2003. P. 81–82; Голдстоун Дж. К теории революции четвёртого поколения // Логос. 2006. № 5. С. 64–66.

¹⁰ Ключевский В.О. Указ. соч. Т. 9. С. 355.

Такая ситуация вовсе не является чисто русской, она отражает характерное свойство всякой традиционной культуры, остающейся, как было в Европе, «неподвижной» на протяжении семи столетий¹¹, несмотря на вспышки спонтанного бунтарства. Примечательно, что идеи Ключевского сопрягаются с представлениями О. Шпенглера о двух российских революциях 1917 года – первой из них «городской» революции с «западной верой в партию и программу», революции «литераторов, академических пролетариев и нигилистических подстрекателей» суждено было стать жертвой революции «азиатского большевизма», опирающегося на крестьянство¹². Трагедия «партийной» революции, не признающей примитивной традиции, была показана ярко и точно. Строго говоря, всякий подлинный социальный прогресс возможен лишь на точке естественного пересечения традиции и инновации – это отыскание «инновационности» в самой традиции.

О таких явлениях в своё время мы не задумывались, да и не могли задуматься. С каких же позиций участники скоро ставших знаменитыми «калининских конференций» оценивали перспективы российской многопартийности? Мне кажется, что ими двигал вовсе не инстинктивно-протестный антисоветизм, даже не интеллигентский нонконформизм, а искреннее стремление «докопаться до истины», не задумываясь о возможных последствиях этого сугубо научного занятия. Хотя названия представленных на конференциях докладов применительно к противникам большевиков редко обходились без терминов «крах», «банкротство», «крушение», «агония», исследователи относились к этим неперенным клише с возрастающей иронией. Характерен набор «классовых» характеристик, которыми награждались антибольшевистские силы: начали с «мелкобуржуазных» партий, потом стали «разоблачать» партии «буржуазные», наконец дело дошло до странноватого эвфемизма – «непролетарские» партии. Иначе не могло и быть – избавление от догм порой происходит с помощью известного рода демагогических хитростей. А в общем участники конференций пытались усвоить «урок истории», связанный со столь пёстрой российской многопартийностью. Так и называлась «итоговая» книга¹³. Символично, что появилась она на свет накануне перестройки.

Примечательно и другое. Интерес участников калининских конференций постепенно стал распространяться и на «общественные организации», которые начали особенно плодиться после Первой русской революции. И уже тогда стало выясняться, что связи между ними нет и не может быть – так называемые общественные организации чаще оставались сословными, нежели гражданскими, при этом носили скорее социально-релаксирующий, нежели активистский характер. Впрочем, в те времена эта мысль не была доведена до конца. Жаль. Многие сегодняшние авторы всерьёз уверяют, что российская общественность (структуры, допускаемые сверху в видах удобств управления) и собственно общество (сила, способная контролировать государство) – явления одного порядка. И это тоже симптоматично.

¹¹ См.: Харитонович Д.Э. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства // Вопросы философии. 1992. № 2.

¹² Шпенглер О. Годы решений. М., 2006. С. 178.

¹³ См.: Непролетарские партии России. Урок истории / Под общей ред. академика И.И. Минца. М., 1984.

* * *

Сегодня былые подходы «калининцев» могут показаться наивными – особенно людям, не представляющим, в какой идейной атмосфере работали участники тогдашних конференций. Однажды им пришлось всерьёз вздрогнуть: на перроне калининского вокзала их встретили студенты исторического факультета с плакатом: «Привет участникам конференции непролетарских партий!» Молодые люди того времени в отличие от властей предрержащих и представителей старшего поколения уже не ощущали опасностей, связанных с небрежным использованием устаревшей «классовой» терминологии. Ну а «партизанам» новой проблематики приходилось «маскироваться».

По нынешним меркам тогдашние исследователи российской многопартийности, имплицитно идентифицируемой с парламентаризмом и демократией, пребывали в мире иллюзий. Всякие партии они пытались привязать к определённым классам. Увы, чем туманнее реальность, тем более решительно люди берутся её «прояснить», используя общепринятые «правила игры». Как бы то ни было, без известного рода «иллюзий» никакой познавательный прорыв невозможен.

На этом фоне мнение Ключевского звучит пророчески. Российские партии, отмечал он, «это: 1) шаблонная репетиция чужого опыта, 2) игра в жмурки». Все интеллигентские платформы, по его мнению, «грешат одним недосмотром: они спешат установить, т. е. предопределить», не согласуясь с реалиями. Как результат – «оппозиция против правительства постепенно превратилась в заговор против общества», а «дело русской свободы было передано из рук либералов в руки хулиганов»¹⁴.

Настоящие тираны человечества – иллюзии, созданные им самим, отмечал в своё время Г. Лебон. Получается, что Ключевский предугадал торжество явления, выкристаллизовавшегося в русском большевизме.

Система партий, пародийные программы которых в значительной степени определялись моральным темпераментом людей, их принимавших, обладала разрушительным и одновременно саморазрушительным свойством. Ожидать, что из таких партий может составиться коллективный вождь прогресса, было бы наивно. По мнению Ключевского, будущему Учредительному собранию придется выбирать «между реакцией, революцией и собственной ненужностью, т. е. анархией, ибо его будут слушаться ещё менее, чем самодержавного Витте или Трепова...»¹⁵ Разумеется, всего этого не понимали ни в России начала XX в., ни в СССР 1980-х гг.

Весьма точно Ключевский указал и на значение *этнической* («национальной») по нашей вполне неадекватной терминологии) составляющей в системе российских политических партий. На западе Российской империи, отмечал он, представлены «народности, с культурой гораздо выше нашей», на Востоке – с культурой «гораздо ниже». В первом случае, «мы не умеем сладить с покоренными, потому что не можем подняться до их уровня», во втором – «не хотим ладить с ними, потому что презираем их и не умеем поднять их до своего уровня»¹⁶. В результате там и здесь оказываются одни лишь «враги» российской государственности, что и проявило себя в известного рода этноэнтропийных процессах, названных правя-

¹⁴ Ключевский В.О. Указ. соч. Т. 9. С. 355.

¹⁵ Там же. С. 340.

¹⁶ Там же. С. 361.

щими элитами «сепаратистскими», а позднее большевиками – «национально-освободительными».

Но главная иллюзия была, на мой взгляд, связана с другим. В годы застоя казалось – и здесь исследователи многопартийности вполне стыковались с Ключевским, – что все беды России связаны с «негодным» управлением, за пределами которого *общество* готово к мощному рывку вперед (в этом они предвосхитили М.С. Горбачёва). Увы, в России не было и не могло быть настоящего общества с его естественными самоорганизационными потенциями, общества, способного подняться до самостоятельного решения задач общегосударственного уровня. Самодержавие вытеснило ростки настоящего общества, в результате чего появился его суррогат в лице *общественности*, представленной интеллигенцией, объединённой, по выражению Г. Федотова, «идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей»¹⁷.

Характерно и то, что власть периодически провоцировала интеллигенцию. Случай с Александром I и декабристами относится к числу хрестоматийных. Менее известно, что в своё время «реакционный» министр народного просвещения С.С. Уваров (автор знаменитой триады «Православие. Самодержавие. Народность», сочинённой в противовес «беспочвенности» масонствующей бюрократии) предлагал направить в Германию молодых людей для усвоения философии Гегеля с целью последующего преподавания её в России. Он полагал, что гегельянство окажет на русские умы то же воздействие, что и на германские. На деле он спровоцировал знаменитых петрашевцев – именно к этому выводу пришёл Николай I, уволивший министра. Но по-своему символична реакция на это событие французского посольства. Здесь считали, что движение либералов-западников не имеет в России будущего, так как оно «питается совершенно неприемлемыми для народа идеями, которые интересны лишь самим жокакам»¹⁸.

Увы, опасности, подстерегающие Россию, легче разглядеть со стороны – внутри самой авторитарно-православной – застойной по определению – системы время словно сплющивается, а её генетические изъяны начинают казаться безобидным «своеобразием» и даже превращаются в мощный источник «государственно-патриотического» вдохновения.

Достаточно задуматься над тем, в каком порядке возникали российские партии, кто ими руководил, какие цели они выдвигали, чтобы понять, что *вся* их система работала на разрушение старого. Партии возникали «слева направо» – радикалы появлялись раньше либералов, консерваторы – с запозданием, причем по указке сверху, реагировали на тех и других. И это при том, что авторитарные системы примечательны «неожиданными» мутациями образа врага – последнему надлежит находиться не только вовне, но и внутри. Российская многопартийная «антисистема», в конечном счёте, обрела общего врага в лице ненавистной бюрократии. В предреволюционной России даже праворадикальные деятели начали поносить ненавистную «камарилью», защищаемую самодержавием, но не способную защитить его. А в целом система партий с её фланговыми «флюсами» и соответствующим типом лидерства, не говоря уже об особой активности «инородцев», словно специально была призвана возбуждать социальную паранюю.

¹⁷ Федотов Г.П. Новый град. Нью-Йорк, 1952. С. 17.

¹⁸ Черкасов П. «Это движение умов... не представляет большой опасности». Дело Петрашевского по донесениям французского посольства в Петербурге // Родина. 2010. № 3. С. 74.

В системе бюрократически-полицейской государственности, прикидывающейся патерналистской, из людей независимого ума образуется социологически трудно уловимый слой, отличительной чертой которого становится своего рода стадная претенциозность. Иного и быть не могло. Как отмечалось, русская интеллигенция, создавшая, в конечном счёте, российскую многопартийность, парадоксальна по своему происхождению. Соответственно, созданная ею химерическая российская многопартийность стала пародией на реальную многопартийность, рождаемую непосредственно *обществом* соответственно его стратифицированности, а не воображением слоя «лишних» и «чужих» как для государства, так и народа людей. Даже та часть интеллигенции, которая искренне надеялась на усовершенствование системы, объективно способствовала её разрушению. Российская многопартийность была производным от доктрин, заимствованных под влиянием «праведных» эмоций и нравственных установок. Это обусловило и её кратковременный демагогический успех в 1917 г., с этим же связан её последующий провал.

«Веховец» М.О. Гершензон отмечал, что интеллигенция в массе своей «безлична, со всеми свойствами стада: тупой косностью своего радикализма и фанатической нетерпимостью»¹⁹. Сами «веховцы» демонстрировали чисто партийную (по-русски) непримиримость к своим «излишне нетерпеливым» противникам, не предлагая ничего конструктивного, кроме выхолощенного парламентаризма. Философ Е.Н. Трубецкой отмечал, что интеллигент творит идолов из чего угодно: из народа, из партии, из формулы, из учения, в котором он видит «последнее слово науки»²⁰. Некогда З. Фрейд подметил, что увлечённость идеей осчастливить человечество сочетается у русских интеллигентов с редкостным отвращением к рутинной каждодневной деятельности²¹. Строго говоря, сам по себе феномен «Вех» был воплощением интеллигентских – особо амбивалентных – представлений о власти. В сущности, вся система политических партий «вспухла» в России на дрожжах интеллигентских эмоций, трансформирующихся в «концепции». У истоков революции в России стояла великая русская литература, бесконечно рефлексировавшая по поводу «вечных вопросов», стоящих не столько перед страной, как перед самой интеллигенцией²². «Милюков всё-таки фанатик, влюблённый в собственный ум...», – так современники характеризовали лидера самой «профессорской» партии, члены которой, по их мнению, «уверены, что они лучше знают, что нужно народу, чем он сам»²³.

У современных исследователей сходная мысль получила совсем иную интерпретацию. Трагедия Милюкова, считают они, состояла в том, что «он как бы оказался без адекватной среды его восприятия»²⁴. Следует ли понимать это как признание того, что русский либерализм был «слишком хорош» для России? Думает-

¹⁹ Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. 2-е изд. М., 1909. С. 84.

²⁰ Цит. по: Романовский С.И. Нетерпение мысли // Новый часовой. 1998. № 6–7. С. 365, 368.

²¹ См.: Rice J.L. Russian Stereotypes in the Freud-Jung Correspondence // Slavic Review. Spring, 1982. Vol. 41, No. 1. P. 19.

²² Характерно, что в годы Первой мировой войны все заметные произведения русских писателей охотно редуцировались кинематографом на угоду толпе (см.: Гинзбург С.С. Кинематография дореволюционной России. М., 2007. С. 264–277).

²³ Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 13–14.

²⁴ Шелухаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 262.

ся, что надо исходить из того, что произошло отчуждение «здравомыслящей» интеллигенции *in corpore* от российской действительности.

Характерно, что русская интеллигенция, искренне ненавидящая бюрократию, не понимала, что она составляет единый с ней тип политической культуры, выпестованной столетиями российского самодержавия. Различие состояло всего лишь в окостенении бюрократии и нетерпеливости её мнимого антипода. «Бюрократия есть сила, утратившая цель своей деятельности и потому ставшая бесцельной, но не переставшая быть сильной, – писал В.О. Ключевский. – Вы без неё не обойдётесь или сами в неё переродитесь»²⁵. Действительно, интеллигенты только и делали, что сновали между оппозиционностью и «государственной» точкой зрения, предполагавшей удержание «стабильности», – и этот факт не отменяется наличием в среде интеллигенции выражено диссипативных элементов. Не случайно партии, победившие самодержавие, поразительно быстро обнаруживали тягу к обюрокрачиванию под знаменем «своего» порядка, причём этот процесс стал для них самоубийственным.

* * *

Какую же историческую роль суждено было сыграть российской многопартийности? Представляется, что эта роль оказалась чисто разрушительной – она оказалась частью хаоса, связанного с саморазрушением российской сложноорганизованной системы.

Системы, управляемые сверху, в сознании людей меняют естественное соотношение между реальным, воображаемым и символичным. В российском социокультурном пространстве те или иные абстракции периодически начинают жить собственной, независимой от реальности жизнью, а потому в экстремальных обстоятельствах могут стать «магическим» фактором истории. Утрата связи между «вечными» понятиями и текущими событиями рано или поздно может приобрести социально взрывоопасную форму. Всякие абстракции призваны приносить конкретную пользу, а не зомбировать сознание. Если авторитарная власть теряет незримый контроль над душами людей, то она рискует утратить свои управленческие возможности. По мере нарастания этой тенденции всякая многопартийность становится миной замедленного действия, заложенной под монолит самодержавия. Лидеры *всех* российских партий обманывались относительно своего «исторического» предназначения.

В своё время участники калининских конференций, обнаружив нечто, не укладывавшееся в сознание «историков-марксистов», вместе с тем столкнулись с массой вопросов, ответов на которые нет до сих пор. Поначалу исследователи бросились изыскивать новые партии – в конечном счёте их насчитали свыше 100. Сложнее обстояло дело с их социальным составом. Выяснилось, что все партии действительно оказались «непролетарскими», а точнее – интеллигентскими. При этом большевики не составляли исключения. Вопрос о численности партий выявил «парадокс» – самыми многочисленными в 1905 г. оказались черносотенцы. Леонид Михайлович Спирин (сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) при этом не без иронии рассказывал, что «народолюбивая» демагогия лидеров этих партий удивительно напоминает советскую пропаганду.

²⁵ Ключевский В.О. Указ. соч. Т. 9. С. 350.

Впрочем, в выборах в Учредительное собрание участвовало «всего» около 50 партий, однако при этом было зарегистрировано 220 избирательных списков²⁶. Налицо набор нелепостей: если известно, что на общенациональных выборах люди голосуют за «большие» партии, то было очевидно, что в 1917 г. многочисленные «мещанские» списки уровня губернских городов не имели шансов на успех. «Нормальные» выборы базируются на прагматизме – голосуют не за «лучших», а за тех, кто способен противостоять худшим. Обнаружилось, что в 1917 г. люди также «голосовали сердцем», делегируя власти не здравый выбор, а наивные эмоции.

При этом в 1917 г. бульварная пресса, не лишённая здорового цинизма, потешалась над всеми партиями. «Нет партий, не замаранных кровью, – писала московская прокорниловская газета «Сигнал» 18 ноября. – Нет партий, не замаранных грязью». В последнем почему-то больше всех подозревались эсеры, хотя газета имела обыкновение чаще поносить «сумасшедшего Ленина», требуя медицинского освидетельствования его самого и пестуемых им «молодцев Вильгельма». Напротив, либералы не без оснований утверждали, что к большевикам переметнулась масса черносотенцев.

Вся эта освободившаяся от «пут самодержавия» многопартийность была (и остаётся сегодня) генератором массовой психопатологии – феномену более чем известному, но упорно не замечаемому исследователями-позитивистами. И это продолжается до тех пор, пока новая – выросшая из наиболее отчаянной «партии» – сила не займет пустующее место авторитарной власти.

Российские кризисы имеет смысл изучать не в контексте несбыточных «альтернатив», а в рамках синергетики или теории динамического хаоса. Её основной отличительный принцип гласит: сложноорганизованные системы (включая даже архаичные) находятся не в состоянии устойчивой стабильности, а пребывают в состоянии динамического равновесия или (что в данном случае точнее) подвижного баланса, сдерживаемого либо привычкой к взаимодействию наполняющих её социумов, либо управленческими импульсами сверху. Всякая авторитарная система предполагает непрерывное совершенствование «менеджмента». Российская патерналистско-полицейская система была далека от этого идеала; многопартийность усугубляла управленческий коллапс.

Всякие основательные демографические и этнодемографические подвижки, факторы спонтанной урбанизации, интенсивные миграционные процессы нарушают привычный внутрисистемный баланс. Традиционные империи становятся особенно уязвимыми в период системно несбалансированной модернизации. Бессистемные реформы или попытки реформирования управления в интересах самой власти могут стать катализатором этого процесса. Последний в России начался еще до 1861 г.

Мне не раз приходилось пояснять, что в течении российских кризисов можно условно выделить следующие уровни или стадии его протекания: этический, идеологический, политический, организационный, социальный, охлократический, рекреационный. Так было и в начале XVII в., и в начале XX столетия, и в его кон-

²⁶ См.: *Спирин Л.М.* Россия, 1917 год: из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 238, 273–328.

це²⁷. Цикличность кризиса связана с тем, что механизм раскрутки и течения кризиса связан с неуклонной деформацией массового сознания и психологии, которая парализует стабилизирующие возможности слабеющей власти. Этот процесс может достичь точки бифуркации, исключающей возвращение к стабильности²⁸. Роль *интеллигентских* партий в этом разрушительном процессе очевидна: точка невозврата к прошлому бывает заведомо пройдена в воспалённых мозгах их лидеров, причём включая даже правых.

Обычно всё начинается с *морального* осуждения власти лицами, стоящими близко к ней, или представителями властных элит. Они же со временем выдвигают *идейные*, а затем и *политические* «альтернативы» существующему порядку, не отдавая себе отчёта в том, что всё это служит не коррекции системы, а её *организационному* разрушению. Система, подвергаясь моральной, идейной и политической коррозии, уже не способна действовать в прежнем режиме, что чревато *управленческим* коллапсом. И тогда наступает социальная стадия кризиса, перерастающая в охлократическую. Конечно, можно согласиться с К. Ясперсом в том, что «господство массы действительно лишь постольку, поскольку отдельный индивид поясняет ей чего она хочет, и выступает в своих действиях от её имени»²⁹. Но нельзя забывать, что любые «пояснения» *традиционалистская* масса воспринимает в переводе на своей собственный язык, который в экстремальных ситуациях в России всегда становится языком *бунта*. И этот бунт «беспощаден», хотя вовсе не «бессмысленен» – за ним стоит народная утопия с её неперемными поисками идеального правителя. И эта утопия обязательно обернётся иллюзиями относительно меняющегося образа «революционной» власти. Охлос кардинально меняет систему зависимостей между информационным пространством и социальной энергетикой: партийные лидеры не только не управляют ходом событий, но становятся заложниками народной стихии. Чем сильнее проникнута последняя традиционалистским духом, чем более ограничена она в своём «политическом» выборе. Итогом разгула *охлократии* станет взаимоприемлемый суррогат вождя, а не той или иной «многообещающей» партии.

В цикле системного кризиса традиционалистской системы нет места *политике* в европейском смысле слова, хотя исследователи российской многопартийности, непременно хотели и по-прежнему желают её видеть. В истории человек вообще способен разглядеть только понятное – именно поэтому «магия рациональных объяснений» довлеет над его сознанием. Все «случайное», «незакономерное», «зыбкое» он непременно станет задвигать в область конспирологии – отсюда различного рода домыслы относительно «денег» тех или иных партий. Кстати сказать, в отличие от нынешних дней исследователи времен «калининских конференций» теориями заговоров не увлекались.

Увы, чем более запутался человек в настоящем, тем охотнее он «спрямляет» прошлое. И это вовсе не безобидно.

Если российская сословная система была искусственно сформирована самодержавием, если политические партии взялись представлять «общественность» (в том числе и вопреки ей), то несомненно, что гибель авторитаризма автоматиче-

²⁷ См.: Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М. Россия после Смуты – время выбора // Отечественная история. 2008. № 5. С. 39–50.

²⁸ См.: Булдаков В.П. Quo vadis. Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007.

²⁹ Ясперс К. Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 333.

ски означала конец российской многопартийности. В своё время социальные противоречия и взаимные страхи в большей или меньшей степени смягчались третьей ролью власти; многопартийность объективно играла совершенно противоположную роль. Теперь, когда единственный гарант «стабильности» рухнул, людская масса осталась наедине не столько с заковырыстыми партийными программами, сколько со всеми полузабытыми страхами своего исторического существования. И в той мере, в какой коммуникативный разум был парализован «партийным сознанием», война всех против всех сделалась неизбежной.

Наше настоящее содержит в себе весь набор ужасов прошлого. Это притягивает и отталкивает одновременно. А потому мы постоянно выдумываем ту историю, которая может лишь пощекотать нервы, но не способна подвести к прозрению.

Разум всегда претендует на адекватное восприятие мира, следовательно, на возможность разумного его преобразования. Если этому процессу сопутствует ослабление веры, то триумф человеческой глупости под покровом политики становится неизбежен.

* * *

Исторические события, поднявшиеся до явлений символического порядка, конкретно-историческому уточнению поддаются с большим трудом: миф вытесняется только другим мифом. Поэтому в России господствующая идеология всегда препарировала прошлое в угоду удобной для неё самой современности. Собственно именно поэтому большевизм считался *партией*, частью *партийной* системы, хотя он был её радикальным «анархически-государственным» (см.: *В.И. Ленин* «Государство и революция») отрицанием, обернувшимся созданием «партии-государства».

Строго говоря, в империи традиционного типа, для которой объектом «цивилизаторства» был русский народ, иного не могло быть. «Империя осваивала народ изнутри... Интеллигенция и бюрократия понимали “народ” как объект культурного воздействия, радикальной ассимиляции агрессивного преобразования... феномены колониализма в России имели преимущественно внутренний характер, — справедливо отмечал А.М. Эткинд. — ... Русские революции были актами деколонизации “народа”... закончившимися новой, беспрецедентной по масштабу попыткой имперского завоевания собственного народа»³⁰. Центральное место в этом занимала «партия» большевиков.

Большевизм — нравится он нам или нет — представлял собой политический феномен совершенно иного порядка, нежели российская многопартийность³¹. Ленин двинулся по линии воображаемого — вроде бы как типичный интеллигент, однако совершенно «не интеллигентно». Он попытался связать некое не только «демократическое» но и «модернизационное» начало с реанимацией неких архаичных институций (скажем, Советы) и представлений («кто не работает — тот не ест»). Это наилучшим образом соответствовало синергетике развала империи методом реактивации народных утопий. В его представлениях об истории не находилось

³⁰ Эткинд А.М. Хлыст. Секты, литература и революция. М., 1998. С. 59–60.

³¹ См.: Булдаков В.П. Большевизм в интерьере российской многопартийности // Призвание историка: Проблемы духовной и политической истории России: Сб. ст. к 60-летию профессора В.В. Шелохаева. М., 2001.

места ни «плохим» правителям, ни даже «дурному» отечеству. Находясь в Швейцарии, он безоговорочно настаивал на превращении «войны империалистической в войну гражданскую» (т.е. в мировую революцию). Доктринальному гипнозу поддавались и другие большевики. Член Государственной думы Г.И. Петровский уверял, что в Петрограде среди рабочих патриотических настроений не было, московский большевик В.Т. Иванов доказывал, что громадное большинство рабочих выступает за поражение России в войне³². Великий катаклизм порождал невероятный самообман. И, похоже, этому нет конца.

Мне кажется, участники калининских конференций куда лучше современных историков понимали идейно-политическую специфику эпохи, в которой расцвела российская многопартийность. Во всяком случае, им никогда не пришла бы в голову мысль сравнивать Ленина с генералом Власовым, как это публично делают некоторые современные авторы. Тогда считалось само собой разумеющимся, что российская многопартийность была не просто подражательной – иные её представители стремились стать в авангарде обновления мира, на необходимость которого указал европейский социализм. Другое дело – чувство меры, понимание того, что настоящая политика – это искусство возможного, а не безответственные попытки переписывания истории с «белого листа».

Во времена калининских конференций довольно трудно было понять, что история – это не только и, тем более, не столько *история политики* и политической мысли, как *история человека*, включая культурно-историческую обусловленность его *политических заблуждений*. Даже уровень «политической культуры» замерялся по-ленински – количественно, а не качественно. Но что мешает усвоить реальное соотношение культуры и политики сегодня?

Посткоммунистическая историческая мысль по-прежнему движется в русле политической истории, проделав легкомысленный перескок от догм «однопартийности» к «науке» о многопартийности. Наибольший интерес по понятным причинам вызывает российский либерализм. И здесь не обошлось, как отмечают исследователи, без конъюнктурщины, эпигонства, пустопорожного философствования и умозрительного социологизаторства³³. Прежде всего, забывается, что европейский либерализм возник как революционное течение, а не как «оппозиция Его величества».

Российская многопартийная политика была связана исключительно с сопротивлением *слабеющей* власти, скорее это риторичная и ригоричная «*прото-политика*». Её можно рассматривать как бунт «детей» против «отцов» за свой *образ власти*. Именно такую роль сыграла и суррогатная российская многопартийность конца XX в., весьма напоминающая многопартийность начала века. Между прочим, на её динамику повлияло и то, что в среде «прогрессивной части» номенклатуры (как и царской бюрократии) было немало скрытых полудиссидентов, легко менявших свои политические ориентиры. Действительно, на фактор «предательства» чиновничества мало кто из исследователей обращает внимание. И это не удивительно. Если власть полагает, что она способна общаться с «народом» без

³² Розенталь И.С. Большевики и российское общество // Политические партии и общество в России. 1914–1917 гг. М., 2000. С. 11–12.

³³ См.: Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 27.

посредства каких бы то ни было культурных элит, всякий мыслящий человек рано или поздно окажется с нею в конфликте.

Впрочем, явления такого порядка следовало бы изучать в более общем контексте «измены идеалам». Вероятно, это часть специфически российской проблемы чрезмерной индоктринированности и её связи с жизненными реалиями. Но дело не только в громадном количестве «перебежчиков», «provokatorov» и «стукачей» в лоне крайних партий. Если учитывать, что иные оголтелые революционеры «вдруг» превращались в искренних и ярых защитников старого режима, то становится очевидным, до какой степени партиями управлял «вопрос о власти», а не подлинные «интересы общества».

В России общественная (на деле – партийная) мысль пребывает в спячке до того момента, пока не зашатается власть. После того как кризис власти поставлен в повестку дня, она разрывается между двумя эмоциональными крайностями: то ли спасти власть, то ли топить её. От подобного «научного» дискурса нормального человека начинает подташнивать: до каких пор эмоции будут получать статус «теории»? И неужели не понятно, что то, что вырастает из досужей умозрительности и профессионального популизма, не может быть ни долговечным, ни тем более устойчивым?

Не удивительно, что Гражданская война – это кровавое продолжение политического карнавала 1917 г. – стала похоронами российской многопартийности. Формально партии действовали, их лидеры продолжали фонтанировать планами «спасения России», но их реальное значение неумолимо сходило на нет. Перечитывая газеты, выходящие на территориях антибольшевистских правительств, я особенно поражался провинциальному многословию некоторых авторов, вполне «по Марксу» доказывавших, что поскольку большевистская революция сделана не «по правилам», то она не имеет за собой будущего. На деле «людьми без будущего» оказались именно те, кто искренне воображал себя «людьми будущего» – всевозможные партийные доктринеры.

То принципиальное непонимание российской многопартийности, которое так и не удалось преодолеть до наших дней, вероятно, относится к универсальной склонности людей к когнитивным самообольщениям, помноженным на политическую ограниченность. Это универсальное явление. Напомню, что в годы Гражданской войны западные союзники белогвардейцев всерьёз советовали им сесть за стол переговоров с большевиками. С другой стороны, поражает, насколько легко противники большевиков готовы были поверить слухам о смерти большевистских вождей – фанатичное доктринерство порождало надежды на «чудо спасения».

Глупо пытаться заслониться от хаоса жизни «броней» умозрительности, однако современное обществоведение занимается по преимуществу именно этим. Это генетически связано с врождёнными пороками советской и с выродженческим слабостями нынешней («антикоммунистической») историографии, представители которых так и не находят в себе ни мужества, ни сил, ни умения взглянуть в российское прошлое непредвзято. Наукообразно опасно тем, что заслоняет (а не открывает, как кажется) от человека реальную картину мира. В результате пытливого *homo sapiens*'а начинает вытеснять шарлатанствующее существо, не способное взглянуть глубинно-историческую природу современности, которому, в свою очередь, охотнее всего внимает дикарь новейшей формации, готовый уничтожить всё непонятное как вредное.

Один из либеральных «революционеров» дореволюционных времён, превратившись в постреволюционного «контрреволюционера», сделал любопытное признание. В основе событий российского революционного прошлого, отмечал он, «лежит нечто очень глубинное, вековое, которое не укладывается ни в какие политические формулы». По его мнению, в основе произошедшего переворота лежало «несоответствие массовой некультурности тонкому поверхностному слою интеллигентской культуры». В общем, это было продолжением «веховского» дискурса. Теперь стало ясно, продолжал «поумневший» автор, что февральский переворот «был произведён русской интеллигенцией при поддержке незначительной взбунтовавшейся солдатской массы, второй (октябрьский. – В.Б.) переворот был осуществлен взбунтовавшейся многомиллионной массой под руководством горсточки интеллигентских сектантов»³⁴. К этому остаётся добавить только то, что и «интеллигентские сектанты» стали со временем самоубийственной жертвой несоответствия собственных доктрин природе российской государственности.

Разумеется, что из того, что российская многопартийность была чисто деструктивной *sui generis* (а не альтернативной, как уверились в своей массе участники калининских конференций) структурой, вовсе не следует, что её исследование надо сворачивать. Разумеется, её изучение в привычном виде (лидеры, программы, социальный состав) теряет своё значение. Но такие аспекты её жизнедеятельности, как психология лидерства, природа демагогии, динамика межпартийных связей и «перелётов», эмоциональное наполнение деятельности тех или иных местных отделений и/или партийных комитетов, наконец, взаимодействие с партий с психологией и психопатологией масс, словом, историко-антропологическая составляющая российской «политики», должны выйти на первый план. Это могло бы стать частью изучения российской деструктивности в целом.

«Изучение нашего прошлого бесполезно – с отрицательной стороны, – считал Ключевский. – Оно оставило нам мало пригодных идеалов, но много поучительных уроков, мало умственных приобретений и нравственных заветов, но такой обильный запас ошибок и пороков, что нам достаточно не думать и не поступать, как наши предки, чтобы стать умнее и порядочнее, чем мы теперь»³⁵. Вряд ли стоит с этим спорить – даже во времена постмодернистских поветрий. Нельзя забывать и о том, что большое историческое время способно преподносить нам невероятные, казалось бы, сюрпризы: то, что казалось истинным и прогрессивным, в его высветлившемся пространстве предстает ложным и нелепым, герои и злодеи невероятным образом меняются местами, а отчаянно бунтующие одиночки находят своё законное место на его скрижалях как невостробованные пророки. А потому тексты прошлого надо научиться читать. И тот, кто отваживается на этого вопреки политическим табу своего времени, уже заслуживает восхищения Клио.

Литература:

Булдаков В.П. Россия или мифы о ней? По поводу статьи Бориса Миронова «Униженные и оскорбленные: Кризис самодержавия – миф, придуманный большевиками» (Родина. 2006. № 1) // Родина. 2006. № 8.

³⁴ Дневник контрреволюционера. № 1. Редактор-издатель: Д-р Д.С. Пасманик. Париж, 1923, март. С. 15.

³⁵ Ключевский В.О. Указ. соч. Т. 9. С. 359.

- Булдаков В.П.* Quo vadis. Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007.
- Булдаков В.П.* Большевизм в интерьере российской многопартийности // Призвание историка: Проблемы духовной и политической истории России: Сб. ст. к 60-летию профессора В.В. Шелохаева. М., 2001.
- Гершензон М.О.* Творческое самосознание // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. 2-е изд. М., 1909.
- Гинзбург С.С.* Кинематография дореволюционной России. М., 2007. С. 264–277.
- Голдстоун Дж.* К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5.
- Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2009.
- Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. М., 1990. Т. 9: Материалы разных лет.
- Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М.* Россия после Смуты – время выбора // Отечественная история. 2008. № 5.
- Мамардашвили М.* Как я понимаю философию. М., 1990.
- Мионов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России. М., 2010.
- Розенталь И.С.* Большевики и российское общество // Политические партии и общество в России. 1914–1917 гг. М., 2000.
- Романовский С.И.* Нетерпение мысли // Новый часовой. 1998. № 6–7.
- Спирин Л.М.* Россия, 1917 год: из истории борьбы политических партий. М., 1987.
- Толстой И.И.* Дневник. 1906–1916. СПб., 1997.
- Федотов Г.П.* Новый град. Нью-Йорк, 1952. С. 17.
- Харитонович Д.Э.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства // Вопросы философии. 1992. № 2.
- Черкасов П.* «Это движение умов... не представляет большой опасности». Дело Петрашевского по донесениям французского посольства в Петербурге // Родина. 2010. № 3.
- Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996.
- Шелохаев В.В.* Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4.
- Шпенглер О.* Годы решений. М., 2006. С. 178.
- Эткинд А.М.* Хлыст. Секты, литература и революция. М., 1998.
- Ясперс К.* Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории. М., 1991.
- Goldstone J.* Comparative Historical Analysis and Knowledge Accumulation in the Study of Revolutions // Comparative Historical Analysis in the Social Sciences. Cambridge (Mass), 2003.
- Rice J.L.* Russian Stereotypes in the Freud-Jung Correspondence // Slavic Review. Spring, 1982. Vol. 41, No. 1.

V.P. Buldakov

**RUSSIAN POLY-PARTIAL AGREGATE IN CONTEXT OF SISTEM
CRISES IN RUSSIA**

Summary

Author try to reestimate the meaning of works, written in 1980s – begining 1990s by V.V. Komin and others well known historians and devoted to the history of so called non-proletarian parties, for advancing studies in Russian historiography. Besides this author proposes his own understanding of the Russian political party combination, as produced by the Empire system crisis. As a result prerevolutionary Russian polypartial («mnogopartiinaya») aggregate *sui generis* acquired destructive for the whole system but not alternative to the only autocracy development.

Keywords: Russia, historiography, polypartial aggregate, destruction, crisis, revolution.

Научная библиотека ТвГУ